

МАКСИМ НИКИТИН

ЧЕТЫРЕ
ЧЕТВЕРТИ
СТРАХА

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н62

Никитин, Максим Вячеславович.

Н62 Четыре четверти страха / Максим Никитин. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Эго убийцы. Триллер-открытие).

ISBN 978-5-04-198416-8

Он стал невольным свидетелем этого происшествия в раннем детстве. Тогда, в том жутком месте, где пролилась первая кровь, его — маленького мальчика — просто не заметили. Зато он заметил все, до мельчайших подробностей. И запомнил. А потом вдруг почувствовал непреодолимое желание мстить. Мстить долго и изощренно. Всем, кто унижал его болезненное самолюбие своим пренебрежением.

Став взрослым, он начал изобретать самые разные способы расправы. Но бездумное убийство не доставляло ему никакого удовольствия. Даже тогда, когда он примерял на себя маски настоящих серийных убийц и маньяков. И вдруг он понял: нужна новая, особенная игра... Такая, когда жертва сама становится своим палачом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Никитин М.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198416-8

Ты слышишь множество прекрасных
ГОЛОСОВ

И тут и там. Они зовут тебя повсюду,
И следовать за ними ты готов,
И им внимать, как сказочному чуду.
Знай лишь одно, что песни тех сирен
Понять на краткий миг лишь тот достоин,
Кто их не слушал и сквозь мрак и тлен
Судьбе бросает вызов, словно воин,
Не преклонивший в смертный час колен.
Он видит мир, утопленный в отраве,
Но он один. И лишь в его устах
Есть слово смерть...

Кован Нерестов

* * *

Что я сейчас делаю в одном из гаражных нагромождений на краю города?

Там, где раньше мой отец ремонтировал свою синюю «шестерку» «Жигулей», разбирая ее чуть ли не до винтика.

Он брал меня сюда, словно в волшебное царство необъяснимых инструментов — огромных ключей, которыми запросто можно было проломить голову; острых длинных гвоздей, которые с упором можно было пропихнуть между ребер в сердце; шил и отрезков металла, которыми можно было пропороть живот; дисков от циркулярных пил, которые можно было метнуть в человека и срезать нос или выбить глаз; ломов, газовых ключей, баночек с кислотой из аккумуляторов и тысячами всего прочего, что разрешено хранить и использовать законом обыкновенному человеку.

Здесь, в этой сокровищнице, где я чувствую себя как нельзя более комфортно, я труборезом медлен-

но укорачиваю пальцы моему давнишнему знакомому, хотя мы только сегодня в первый раз за много лет встретились с ним лицом к лицу.

Имя?

Его имя или мое?

Его зовут Павел, а у меня нет имени. У абстрактных понятий нет собственных имен.

Плотный мужчина с брюшком, в очках с толстыми стеклами и кляпом из старого вязаного шерстяного носка во рту (иначе он от боли сжевал бы себе язык) постепенно лишается по одному из своих пальцев, согласно задаваемым мною вопросам и его ответам.

А вопросы мои просты.

Это игра. Она называется «Делал или не делал». Очень интересная игра. Моя любимая игра! Потому что ответы на задаваемые вопросы только у меня в голове.

— Ты целовал ее в шею? — спрашиваю я через черную колючую балаклаву, вытирая рот рукавом. Почему-то очень сохнут губы. Приходится их облизывать, но от этого еще хуже, и я их вытираю рукавом.

А в голове тут же вертится картинка.

Бледная кожа шеи чуть ниже затылка с легким ароматом каких-то нежных духов. Там, где можно опереться носом в основание черепа. Там, где практически заканчиваются корни ее русых волос.

Я прямо чувствую ее запах, который сводит меня с ума. Не знаю, как бы у меня с ней сейчас все это

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ СТРАХА

действительно происходило, но мне хотелось бы, чтобы все это было именно так.

Только так. Так, как я представляю. Любое расхождение с моей фантазией меня просто взрывает, и тогда я могу натворить ужасных дел.

Пол? У меня нет пола. Абстрактные понятия не имеют пола.

— М-м-м-м... ма-а-а! — мычал мой давний знакомый, мотая головой из стороны в сторону.

— Зря не целовал, — отвечаю я, и труборез при повороте сухо хрустит.

Колесико впирается в кость или хрящ, аккуратно разрывая его. Фаланга падает на застеленный полиэтиленовой пленкой пол. Кровь течет, как какой-нибудь сок из только что срезанного стебля цветка, а я чувствую тепло внизу живота.

Дальше мне приходится брать газовую горелку и прижигать торчащие срезанные хрящи и кровеносные сосуды. Пахнет шашлыком.

Мой визави пытается кричать, но кляп глушит звук.

Теперь ему надо дать отдохнуть, чтобы он не вырубился. Немножко отдохнуть. Чуть-чуть. Минут двадцать.

А мне теперь можно отвлечься и почитать.

Я люблю читать еще с детства, когда фантазия авторов вкупе с моим воображением уносила меня далеко-далеко, в иные, завораживающие ми-

ры, древние времена или несуществующие реальности.

Есть книги, которые настолько явшокекакоеотличноеприлагательноеозначающеевосторг, что прочитать их просто необходимо. Есть и так называемый маст хэв, о котором должен знать каждый образованный человек, а есть и откровенное дерьмо. Итак, начнем...

Ужас простых обывателей, ноль их знаний о предмете и максимальная раскрученность автора — Маркиз де Сад (если я правильно пишу его имя).

Так вот, мало кто читал его книги и много кто бравитует его именем! А вы просто возьмите и почитайте! Там совсем не то, что вы представляли себе.

Мне попало что-то более-менее доступное. А именно — «Сто двадцать дней Содома» — первые шесть дней.

Так вот про явшокекакоеотличноеприлагательноеозначающеевосторг читиво — это не про вот эту конкретную книгу маркиза.

Надо сказать, что он меня не впечатлил. Подвел меня маркиз.

Может, это не та книга, с которой нужно начинать знакомство с де Садом, но почему-то мне кажется, что автора сильно переоценивают. Тем более, насколько я знаю, в те времена было достаточно литературы, описывающей половые органы и варианты совокулений.

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ СТРАХА

Не всплыл передо мной и пресловутый лозунг — «Будь свободным» — в описании и чистых сладких розовых попок, и неподтертых грязных анусов. Не всплыл этот лозунг и в просовывании между ляжек девственницам, которых очень хотелось, но которых было нельзя дуплить по договоренности с строителями средневекового порнопати.

Особенно не нравилось, когда «благородные господа» принимаются жрать дерьмо, запивая это мочой уродливых старух.

В общем, скучно, однообразно и «грязно».

Чувствую, что точно такое же впечатление оставит у меня «Американский психопат», к которому от скуки и ради отдыха от маркиза меня недавно привел интерес.

Американский психопат... Патрик Бейтман... Сатира, яппи, черный юмор, бренды, популярные группы, куча тупой порнухи и невероятно непрофессиональной расчлененки... Ладно, посмотрим, что будет дальше...

Так незаметно пролетело двадцать минут. Почему-то ужасно клонит в сон.

Мой сердечный друг уже вроде оклемался. Я закрываю книгу, вкладывая между страниц календарик с котятами. На нем один милый котенок сложил лапки, словно в молитве, а второй пытается напрыгнуть на него сзади. Наверное, чтобы обнять.

Дай бог, чтобы обнять.

Итак, приступим снова к моему сопернику.

Сопернику ли?

Наверное, да!

Теперь даже можно вынуть кляп на время. Посмотрим, что он скажет.

— Тебе нравился секс с ней? — говорю я (вот тут, простите, ненавижу слово трахать, Трахать, ТРАХАТЬ, ТРАХАТЬ, ненавижу его).

Мужчина в очках и труборез молчали. Даже если бы мой пленник ответил положительно, труборез бы ничего не предпринял. Да и что он мог бы сделать? Как тут устоять человеку? Сам труборез был бы не прочь хотя бы на миг коснуться своей ржавой ручкой ее красивого влажного рта или еще более нежных мест.

— Тебе нравился секс с ней? — спрашиваю я снова, но мой соперник пораженчески начал нести предательскую ересь.

— Но я не хочу ее больше! Забери ее, пожалуйста, забери! — говорил он.

Моя жертва на самом деле сейчас так ожесточенно отказывалась от Оксаны — своей женщины, с которой он встречается в текущий момент своей глупой жизни.

Отказывался от моей негаданной, случайной и такой банальной любви. Точнее — от любовного треугольника, о котором очкарик не догадывался.

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ СТРАХА

Кто знает, какие у них с Оксаной теперь отношения? Мне не хотелось бы за ними следить.

Хотя — зря!

Нужно было бы проследить.

Нужно было бы уделить этому делу больше времени.

Стоило бы понаблюдать за ней и за ним. Стоило бы подглядывать с огромным биноклем, который был куплен специально для таких случаев.

Стоило бы посмотреть. Ссорятся ли они? Орут ли друг на друга из-за немытой посуды? Не разговаривают друг с другом неделю из-за мятых рубашек? Плачут ли в подушку по ночам из-за недостаточного внимания?

А может быть, живут душа в душу?

А может быть, ссорятся, а потом занимаются бурным примирительным сексом?

— Да будь уже смелее — трахаются. НЕ ЗАНИМАЮТСЯ СЕКСОМ, А ТРАХАЮТся!!

— Да заткнись, я не люблю это слово!

А может быть, все у них не так. Может быть, они, по обыкновению, после трудного рабочего дня медленно и уныло, как по расписанию, раздеваются, укладываются в постель и монотонно любят друг друга.

— Да трахаются они! ТРАХАЮТСЯ ЖЕ!

— Да заткнись, боже мой, сука!! Пожалуйста, заткнись!!

В общем, меня это абсолютно не волнует.

Абсолютно.

Главное, что этот заплывший жиром бизнесмен средней руки уже давно отказался от прав на свою возлюбленную (назовем ее так).

Напрочь отказался еще при своем первом пальце.

Сейчас же, при втором, он называл ее всякими недостойными влюбленного мужчины словами и желал ей скорейшей смерти.

Да уж... Времена... Мужчины... Он не чета Гаю Муцию Сцеволе, который при угрозе пытками протянул руку в разведенный на алтаре огонь и держал ее там, пока она не обуглилась.

Не понимал мой толстостеклый «римский пленник» самого главного.

Не понимал он, за что ему выпала такая доля и за что он страдает. Смутно он осознавал, что его мучения связаны с моей любовью, но не знал, каким образом.

И вот теперь он предлагает мне все, что может предложить. Обещает деньги, обещает исчезнуть, просит мучить мою любовь вместо него. Как будто мне теперь это нужно.

И это после всего, что у нас с ней было.

«Бледная кожа шеи чуть ниже затылка с легким ароматом каких-то нежных духов. Там, где можно упереться носом в основание черепа. Там, где практически заканчиваются корни ее русых волос».

Он не может осознать самого главного, и поэтому с гулким хрустом проворота труборез аккуратно режет фаланги.

Думаете, меня сжигает ярость или ненависть?

Да нет же — наоборот!

Просто у меня сейчас затишье перед самым главным делом моей жизни. Это дело требует много времени и точных, аккуратно просчитанных ходов. Требуется абсолютно холодной головы, а не того бардака, который царит у меня сейчас под наплывом «Великой Пустоты» — так оно у меня называется.

Поэтому разрушить все, что запланировано ментальной вспышкой сладкого яростного безумия, я не могу.

Вот и приходится вспоминать, возвращать и выпускать на волю маленькие, ничего не значащие для моих гостей, но болезненные для меня воспоминания.

Хруст трубореза — это не сама пустота. Хруст трубореза — это только четверть пустоты. Мне нужны и остальные три части, которые очень сложно собрать вместе.

Скоро все происходящее здесь коснется и тех людей, которые меня уже и не помнят. Скоро...

Глава I

— Да как же, в конце концов, сука, хорошо, Володька! — прокричал Илья наклонившемуся к нему коротко стриженному широкоплечему парню,

пахнущему потом и резким парфюмом, через басы облепляющей музыки.

— А я что тебе говорил? — ответил короткостриженный. — Тут хорошо! Совсем ты закис в своей высокой материи и бумажках.

Володька был отчасти прав. Тут было хорошо.

Черт дернул Илью поступить на философский факультет МГУ, и сам Сатана успешно курировал его поступление.

Хотя с какого великого и ужасного Хомы Брута сам Илья решил избежать участи множественной рати юристов, экономистов, программистов и бухгалтеров и ворваться в ряды философов? Этого никто не знал, кроме него самого.

А все на самом деле было очень просто. У Ильи оказалось очень много времени, чтобы поразмыслить о жизни.

Когда ты, как солдат на учениях, скатываешься в небольшое, пригодное только для пятилетнего ребенка пространство между старым диваном и полом и тянешь на себя простыню, чтобы пьяный батя не заметил тебя...

Когда ты по глухим, слышимым из кухни звукам удара кулака о ребра и слабым вскрикам «мама», «Колья» и «зачем?» понимаешь, что батя добрался до мамы, и клянешь себя за то, что у тебя не хватило смелости отвести от матери агрессию пьяного вдребезги и недовольного своей жизнью папы — слесаря како-

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ СТРАХА

го-то разряда, который дорабатывает на издыхающем сейчас бывшем гиганте советского машиностроения...

Вот тогда-то у тебя много времени, чтобы поразмыслить о жизни.

С каждым «что я тебе сделала?» много времени.

С каждым, сука, «Илья же увидит!» много времени.

С каждым «пожалуйста, не надо» много времени.

Много времени, чтобы задуматься. Чтобы в пять лет что-то понимать о гребаной сущности бытия с точки зрения основных десяти взглядов на смысл жизни, которые Илья вывел в простые правила.

— Стремись к удовольствиям. Тем, что, конечно, не запрещены законом. Это киренаическое учение, как оказалось позже. Единственная цель жизни — испытывать удовольствие в настоящем, вместо того чтобы строить планы на будущее. Первостепенны физические наслаждения, и человек должен принимать все меры к тому, чтобы максимизировать их количество.

— Не гонись за богатством. Погоня за ним иссушает. Смысл жизни будет достигнут тогда, когда ты перестанешь сравнивать себя с другими. Не нужно знать сильных мира сего. Боже упаси тебя брать в руки выпуск «Forbes».

— У каждого свои представления о добре и зле. Добро ли — пристрелить мучающуюся, сбитую автомобилем собаку? Отключить человеческий овощ от розетки? Решайте сами.

— Живи ради созидания. Будь сантехником, но твори. Если тебе не нравится то, что ты делаешь, немедленно бросай это. Нет в этом счастья.

— То, что ты сделал для других и они этого не узнали и не заметили, — бессмысленно.

— Оставь что-то после себя. Дети, книги, дома. В общем, вырасти сына, посади дерево и построй дом, но можно и написать книгу, картину, создать секту или сжечь город.

— Мир — это страдание. Все неудачи твои ничего не стоят, потому что ты и так живешь в отвратительной клоаке. Поражение ждет тебя ежеминутно. Попробуй, конечно, победить, но не расстраивайся, если облажаешься, ведь многие религии говорят, что если ты лежишь в помойке и в тебя плюют, то ты свят.

— После смерти есть только смерть.

— Смерть, как и жизнь, — сама по себе не плоха. Она лишь часть чего-то. Если есть смерть, значит, она должна быть.

— Выбери себе то, ради чего ты живешь, и добейся этого. Потом выбери следующее и добейся его. Не бери малозначительное. Это все должно быть всеобъемлющим, прямым, необоримым...

Владимир дернул Илью за рукав, вырвав из размышлений.

— Ты опять? — спросил он, пододвигая к Илье запотевший стакан водки. Другие напитки, кроме

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ СТРАХА

еще, возможно, пива, лысый здоровяк не признавал. — Прекращай уже. Ты же меня просил ни в каком случае не давать тебе думать.

— А я думал? — слукавил Илья.

— По твоей сумрачной роже, — Владимир ударил своим стаканом о стакан Ильи, — было видно, что ты не о телочках размышляешь. А ведь сегодня это вариант! Железка! Ты только осмотришь.

Илья быстро окинул взглядом окружающее пространство барной стойки и столов, что стояли неподалеку.

Две неплохие штампованные, но явно «ищущие спонсора» блондинки пьют мохито за небольшим круглым столиком.

Еще есть две девахи, но они уже пьют с подкатившими недавно завсегдаятаями.

Еще трое самочек — но они явно «пришли только с подружками встретиться», причем обручальных колец нет ни на одной.

Еще одна классическая пара — «красавица и чудовище».

Еще пара малолеток.

Потом одиночки:

факабл,

факабл,

факабл плюс водка,

факабл,

потом нет уж никак не факабл — господи прости,

факабл и...

Святые котята!

Сколько раз в своей жизни Илья зарекался обращать внимание на фриков. Но его тянуло к ним до сладкого безумия! Тянуло к девушкам, попирающим принятые стандарты красоты и приличия.

Однако, несмотря на эту странность, по стандартам Ильи, все должно было гармонировать и не нужно было перебарщивать.

Синие волосы — хорошо. Кольцо в носу, штанга в языке, клиторе — ок. Андеркат — вообще суперсексуально. Тату (даже маленькое) уже плюс пятнадцать к пробитию брони его сердца, а если это тату находилось в тех местах, где их обычно не делают, то плюс пятьдесят к пробитию брони и к возможности двадцатипроцентного крита.

Главное, чтобы не было татушек на лице. А хотя, если небольшие и после большого литража алкоголя, то хоть как у племени маори — на всю рожу.

Так вот. Глаза Ильи остановились на одной девушке. Это была прямо богиня, по мнению всех его существующих эрогенных точек.

Она сидела одна, явно наплевав на всех вокруг, с бутылкой самого дешевейшего и отвратительнейшего виски в обнимку. Правый висок был выбрит, а на нем легко и ненавязчиво красовался сантехник Марио, разбивающий кулаком пресловутый квадрат, из которого только-только начинал вырастать